

*Тайное
книжное общество*

МАДЕЛИН МАРТИН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31 (73)

ББК 84(7Coe)-44

M29

Madeline Martin
THE SECRET BOOK SOCIETY

Серия «Уютный книжный»

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition is published by arrangement with Harlequin Enterprises ULC.

This is a work of fiction. Names, characters, places and incidents are either the product of the author's imagination or are used fictitiously, and any resemblance to actual persons, living or dead, business establishments, events or locales is entirely coincidental.

Перевод с английского *Ирина Павлова*
Оформление обложки *Василий Половцев*

Мартин, Маделин.

M29 Тайное книжное общество: [роман] / Маделин Мартин; — [перевод с английского Павлова И.]. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Уютный книжный).

ISBN 978-5-17-184064-8

Лондон, 1895 год. Три женщины, каждая из которых оказывается поневоле связана выгодным браком, получают таинственное приглашение на послеобеденное чаепитие в доме затворницы леди Даксбери. Они попадают в тайное книжное сообщество, где могут обрести свободу и смелость изменить свои жизни.

Элеонора Кларк, преданная мать, задыхающаяся под тиранией мужа. Роза Вартон, американская «долларовая принцесса», пытающаяся удержаться в рамках аристократической жены. Лавиния Кавендиш, молодая женщина с художественным складом ума, связанная опасной семейной тайной. Всех их привлекает загадочная леди Даксбери, трижды овдовевшая графиня, по слухам, убившая мужей.

Дружба позволит им не только изменить себя, но и раскрыть опасные секреты, от которых зависит будущее.

УДК 821.111-31 (73)

ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2025 by Madeline Martin.

© И. Павлова., перевод, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-184064-8

Пролог

Леди Даксбери

Лондон, Англия

Июнь 1895 г.

Выйдя в гостиную, Клара Чемберс, графиня Даксбери, окинула взглядом юного визитера, настоявшего на безотлагательности приема. О срочности и важности дела свидетельствовало нетерпеливое постукивание его изношенного башмака по зеленовато-золотистому брюссельскому ковру. Щеки у мальчонки были впалыми, под выпиравшими ключицами зияли ямки, а вот руки и мордашка были чистыми, и кепка выглядела новой.

— Ваше сиятельство, вашу подругу увезли. — Стоило пареньку заговорить, и графине тут же бросилась в глаза брешь в переднем ряду зубов — на месте резца, едва ли способного отрасти в таком возрасте. Мальчик вытянул руки, и взгляд леди Даксбери упал на предмет, который он собрался ей вручить.

У женщины перехватило дыхание. Она опознала его — черный полуботинок из лайковой кожи с изящными ро-

зочками, вышитыми на шнурках. И ей было отлично известно, кому этот ботинок принадлежал.

— Куда увезли? — потребовала ответа леди Даксбери.

— В Ливенхоллскую лечебницу для душевнобольных. — Качнув головой, визитер стряхнул набок волосы и вперил в графиню взгляд искренних карих глаз: — Она окликнула меня, когда карета проезжала мимо. Попросила сообщить вам, что ее увезли, и назвала номер вашего дома. А, чтобы вы не усомнились в правдивости моих слов, выбросила в окошко этот ботинок.

Леди Даксбери захлестнула паника.

Лечебница для душевнобольных...

Это ее вина.

Все пошло наперекосяк.

Изначально невинный замысел обернулся чем-то ужасным. Чем-то опасным.

Собравшись с духом, графиня взяла из рук посыльного ботинок — очень легкий, почти невесомый в сравнении с бременем, придавившим ей плечи.

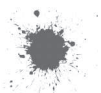
— Вы поможете? — нахмурился паренек. — Я ее знаю. Я не видел ее лица, но узнал бы этот башмачок везде, — в тихом голосе просквозила печаль, разбередившая еще сильней рану в груди леди Даксбери.

Могла ли она помочь?

Стук сердца уже начал отдаваться пульсирующим шумом в ушах; а грудь защемило чувство, никогда не поддаваться которому она поклялась в свое время. Но вот он опять возымел над ней верх — страх.

Прошло столько времени. Она думала, что стала сильней.

— Я сделаю все, что смогу, — пообещала графиня с наигранной уверенностью. Эх, если бы она и впрямь ее ощущала!

А как было не пообещать? Ведь ответственность действительно лежала на ней. И не только за эту женщину, увезенную в психиатрическую лечебницу, но и за всех остальных. За тех женщин, что пострадали от сурового обхождения и даже насилия, оказались в западне, были брошены на произвол судьбы теми, кого любили. Они все подвергались опасности, грозившей им погибелью.

Леди Даксбери предлагала этим женщинам убежище, ту возможность, что лично ей жизнь никогда не предоставляла. Увы, она их подвела. И эта неудача разъедала теперь солью старые рубцы на ее собственном сердце.

Графиня кивнула дворецкому:

— Дэвис, отблагодарите его щедрыми чаевыми за столь важное сообщение. Возможно, он спас одной женщине жизнь.

— Надеюсь, вы правы, ваше сиятельство. — Худосочная грудь юноши вздулась от гордости. Он явно нуждался в похвале не меньше, чем в пище.

— Покормите его, — добавила леди Даксбери, не пожелав отпустить гостя восояси с пустым желудком. В эти дни в Лондоне столько детей голодали. — И дайте еще еды с собой.

Губы Дэвиса сжались в плотную линию — единственный признак внутреннего протеста, который позволил себе выказать мужчина средних лет, выдвигая маленький ящик, где для подобных случаев хранились монеты. Впрочем, так дворецкий попросту старался оберечь свою госпожу. Монеты звякнули в руке паренька.

После стольких мучительных лет леди Даксбери тешилась мыслью, что контролирует свою жизнь — огражденная от угроз, некогда преследовавших ее, окруженная людьми, которым она доверяла, защищенная преданным Дэвисом,

богатством и уважением, гарантированным ей положением в Обществе.

Как же она ошибалась!

Какой глупой она была.

А расплачиваться теперь другим.

— Спасибо вам за помощь, — почтительно приложил к груди свою кепку мальчик. — Она единственная видела во мне хорошее.

На задней стенке глотки угнездилась боль — жуткий, неподатливый комок, мешавший графине не только дышать, но и говорить. И она лишь безмолвно кивнула. Попыталась ободрить паренька улыбкой, но рот, предательски дрогнув, скривился не так, как ей хотелось.

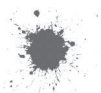
Дэвис вывел мальчика из гостиной, оставив леди Даксбери на время одну. Она поглядела на полуботинки. Одну боковину покрыла корочкой уже засохшая грязь, другая была такой же чистой, как и в первые дни их знакомства. Рука графини метнулась к груди; пальцы скользнули по гладкой хрустальной поверхности броши, внутри которой лежала сложенной крест-накрест прядка темных волос. Источник ее силы. Напоминание о том, что у нее когда-то было. Не проходило ни дня, чтобы она не тосковала по нему и не вспоминала данное ему обещание...

Уверенная, твердая поступь по толстому ковроу возвестила о возвращении Дэвиса. Леди Даксбери поспешно написала две записки:

— Немедленно пошли их остальным.

Но не успел дворецкий удалиться, как ее взгляд упал на новый букет на столе, рядом с книгой о лекарственных травах, которая так помогла графине в прошлом.

— Обожди... от кого это?

— Там есть карточка, ваше сиятельство, — отвесив поклон, Дэвид оправился выполнять ее поручение, всецело сознавая его важность.

Вновь оставшись в одиночестве, леди Даксбери приблизилась к цветам. Она бы никогда не заказала *такой* букет. Необычная композиция будила любопытство и вместе с тем настораживала. Похожие на колокольчики и словно восковые цветки наперстянки намекали на секреты, голубые незабудки пророчили печаль и сожаление, красные лепестки петуний выражали гнев и раздражение, а обилие предостерегающе ярко-розовых бегоний выглядело зловеще. Предупреждение плотно засело в сознании.

Кто мог составить такой букет?

Леди Даксбери положила ботинок рядом с широкой вазой и выудила из зеленой паутины стебельков открытку. На тыльной стороне аккуратными буквами было оттиснуто только одно имя. Шейные мышцы графини вмиг напряглись.

Разве эта женщина причинила ей не довольно вреда?

И как много было ей известно, чтобы даже сейчас погубить Клару Чемберс?

Голова графини закружилась, золотые и зеленые оттенки убранства ее уютной гостиной слились вдруг в тошнотворную палитру. Леди Даксбери склонилась над столом, осторожно втянула в легкие воздух и постаралась взять себя в руки. Но как ей снова обрести спокойствие — теперь, когда почти все пошло вкривь и вкось? Теперь, когда она осознала, что ее сила была напускной?

Комната, наконец, обрела четкие очертания. А вместе с ней и устрашающий букет. Каждый цветок пахнул на нее откровенной злобой. Графиня быстро осмотрелась — не стал ли кто свидетелем ее слабости? Взгляд вновь остано-

вился на ботинке. И на этот раз она увидела торчавший из-под его языка клочок бумаги, не замеченный прежде. Подцепив его краешек, графиня аккуратно вытащила записку и развернула.

Из груди мгновенно вырвался болезненный выдох: она узнала бумагу, украшенную перекрестием веточек вереска и свой собственный почерк — послание, которое она тайно разослала женщинам два месяца назад. Тогда она не думала, что ее попытки предложить и обеспечить им помощь принесут на деле только вред.

«Не перечитывай!» — попробовала внушить себе графиня. Но глаза уже забегали по строчкам, читая слова, в которые она так опрометчиво поверила бумаге вначале всего этого.

«Сердечно приглашаю Вас в Тайное общество любительниц книг...»

Глава первая

Миссис Элеонора Кларк

Двумя месяцами ранее

Лондон, Англия

Апрель, 1895 г.

Элеонора Кларк выглянула в окно, раму которого обвивал пышный плющ. На горизонте собирались серые тучи. Судя по запотевшему стеклу, день выдался студеным, хотя в комнате было тепло. Все помещения в их дорогом особняке обогревались. На этом экстравагантном и расточительном новшестве — монтаже специальной системы отопления — в свое время настоял ее муж.

Отвернувшись от окна, женщина опустилась на стул у туалетного столика — подогнув колени, но сохранив спину идеально прямой, чему способствовал жесткий корсет на косточках.

— Это платье очень выгодно подчеркивает цвет ваших глаз, — улыбнулась ей в зеркало служанка, уже вооружив-

шаяся гребнем с серебряной ручкой, чтобы зачесать назад и уложить светлые волосы в модную прическу.

— Спасибо, Беннетта. — Элеонора мельком взглянула на свое отражение в зеркале, чтобы убедиться: светло-голубой оттенок материи действительно усиливал лазурную глубину ее глаз. И именно из-за этого, а не комплимента ради она выбрала такой цвет.

Скверное настроение, продемонстрированное мужем накануне, расстроило и растревожило ее. Любой стук и скрип в доме заставлял миссис Кларк вздрагивать; нервы были напряжены не меньше, чем тонкие угольные нити накала в лампочках, повсюду сиявших в их роскошном лондонском доме. И только нежно-голубой оттенок шелка немного успокаивал ее, напоминая о чистой, не запятнанной даже облачком сини летнего неба в родительском поместье в Суссексе. О невозвратной поре девичества, когда ее жизнь была беззаботной и полной добра.

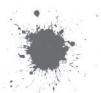
В последнее время она все чаще и чаще носила наряды такого цвета, поймала себя на мысли Элеонора.

Правда, сейчас целостность лазури нарушала видневшаяся нижняя юбка в однородных оттенках вертикальную полоску. В строгости этих жирных линий, в непоколебимой устойчивости их регулярной, рядной структуры тоже было что-то успокаивающее.

— Сапфиры подойдут идеально, госпожа, — Беннетта открыла футляр для драгоценностей, и на его дне, выстланном шелком «экрю»*, призывно сверкнули дорогие синие камни.

---

* Шелковая ткань или изделие благородного аристократического оттенка топленого молока, сливок или неотбеленного льна. (Здесь и далее примеч. редактора).

Они были элементом показушности, беспричинной демонстрации богатства нувориша-высочки, стремившегося таким путем оправдать свой новый статус и добиться признания в высшем обществе. Элеонора — женщина благородных кровей — тоже была частью этой показушности, купленной торгашом под стать драгоценным камням. Причем, без особых усилий и уговоров: Сесил вовремя учуял запах отчаянного финансового положения ее родителей. Просроченные налоги за особняк в Лондоне, тысячи слишком долго не оплачивавшихся счетов, ремонтные работы в летнем поместье, которое так сильно любила Элеонора — все они оказались теми кандалами, что волею судьбы сковали ее и обрекли на нынешнюю жизнь.

Один кивок служанке в зеркале — и ожерелье гнетом придавило тугой ворот-стойку будничного платья. За ним последовали сережки, оттянувшие мочки ушей грузомременительного состояния Сесила.

Миссис Кларк выдвинула средний ящик комода, чтобы достать баночку с кремом для рук: ее кожа всегда становилась сухой и стянутой в зимние месяцы. Рядом с маленькой баночкой она увидела загадочный листок, сложенный пополам. На записке изящным почерком было выведено ее имя.

— Беннетта, что...?

Служанка приложила палец к губам и подмигнула.

Сердце Элеоноры снова затрепетало; по коже под длинными, прилегающими рукавами пробежали мурашки.

Секрет?

У нее никогда не было секретов. Вся ее жизнь протекала под пристальным наблюдением. Каждое слово, каждый ее поступок обязательно оценивался мужем, и толь-

ко он решал, достойны ли они его внимания или не заслуживали его.

И в большинстве случаев Сесил склонялся ко второму.

Элеоноре не позволялось иметь секретов.

Ее плечи приподнялись, она ссутулилась, чтобы прикрыть записку — даже несмотря на то, что она находилась в своей личной комнате. Тугая ткань и точный крой платья сковывали движения, но Элеонора все-таки преодолела неудобство и склонилась над посланием.

В лучах солнца, героически пробившихся сквозь серую пелену мрачных туч, застывших небо, ярко блеснула печать: золотая веточка кружева королевы Анны, оттиснутая на твердом зеленом воске. Подсунув под нее палец, женщина аккуратно, не нарушив его целостности, оторвала глянце-
вый кружок от пергамента и пробежала глазами текст:

«Сердечно приглашаю Вас в Тайное общество любительниц книг.

Миссис Кларк, я умоляю Вас хранить эту переписку в строжайшей тайне. Я часто вспоминаю нашу встречу трехлетней давности — не только в силу общности наших интересов, в частности, любви к книгам, но и по причине схожести наших жизненных обстоятельств. Перемены, происшедшие в моей жизни, сделали меня владелицей обширной библиотеки: романов, написанных женщинами о женщинах, реальные прототипы которых решились на открытое неповиновение своим отцам и мужьям, а также книг, созданных моими ревностными усилиями. Мне хочется разделить эту коллекцию — эту свободу читать — с Вами и еще несколькими нашими сверстницами, выбор которых предопределили их благоразумие, рассудительность и осмотрительность. Более подробно я объясню Вам все на нашем собрании в следующую среду.

В дополнение к этой частной записке Вы получите официальное приглашение на чаепитие — занятие, которое ваш супруг, несом-

ненно, сочтет обычным и уместным для женщины Вашего круга. Надеюсь, Вы его примете.

С почтением,

Клара Чемберс, графиня Даксбери.

Листок задрожал в руке Элеоноры. «Тайное общество любителей книг», — выдохнула она. Миссис Кларк не забыла встречу, о которой упомянула в своем послании графиня. Они обе присутствовали на одном благотворительном мероприятии, призванном привлечь внимание к проблемам с жильем у малообеспеченных слоев населения. По его завершению обычно очень бережливая миссис Колтинг умыкнула тонкую льняную скатерть кобальтового цвета.

«Мне вдруг вспомнилась миссис Норрис из “Мэнсфильд-парка” с ее зеленым занавесом для пьесы, которую так и не сыграли», — сказала Элеонора, сама толком не осознав, что побудило ее заговорить. Она вроде бы только подумала об этом, но слова сами слетели с языка.

Стоявшая рядом леди Даксбери деликатно замаскировала смехок, прикрыв рот рукой. «Мне тоже подумалось, что миссис Колтинг — это миссис Норрис в реальной жизни», — откликнулась она. И Элеонору мгновенно захлестнули эмоции: радость от того, что ей встретилась женщина, прочитавшая ту же книгу, ощущение почти кровного родства с ней и надежда на обретение подруги, чей разум временами пребывал в том же вымышленном мире, что и ее.

«А другие произведения Джейн Остин вы читали?» — поинтересовалась леди Даксбери.

В отцовской библиотеке кроме «Мэнсфильд-парка» было только еще два романа — «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда и «Грозовой перевал» Эмили Бронте, зажатые

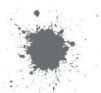
между увесистыми томами по юриспруденции и правовой деятельности парламента. Элеонора прочитала их запоем, сопереживая героям так, что у нее не раз щемило сердце! Увы, этих книг в ее распоряжении больше не было; ограниченную девичью свободу заменили брачные обеты и обещание беспрекословно повиноваться мужу.

«Нет... не читала... Это...» — от бормотания женщину спасло приближение лорда Даксбери. Несмотря на теплоту его улыбки, от Элеоноры не ускользнуло ни то, с каким собственническим чувством он приобнял супругу, ни то, как быстро та потупила взор в демонстрации покладистой почтительности.

После той встречи Элеонора часто искала глазами графиню на светских мероприятиях, но наблюдала ее всегда только на расстоянии. И всегда с лордом Даксбери — бдительным стражем — поблизости.

Если не считать этих нескольких романов, раскопанных в библиотеке отца, то воспитание и образование Элеоноры сводилось, в основном, к нравоучениям и назиданиям — об обязанностях женщины вести домашнее хозяйство, быть хорошей женой и матерью. Ну, и редкому прочтению литературы для получения общих знаний — типа «Истории Англии» Оливера Голдсмита. И, конечно же, она проштудировала справочник дворянства «Дебретт» с подробной информацией о каждом титулованном аристократе в Англии — сначала в поисках мужа, а потом для того, чтобы достойно общаться с пэрами и лордами, с которыми нужно было поддерживать отношения Сесилу.

Свободы выбирать книги по своему усмотрению у Элеоноры никогда не было. Ни при жизни с родителями (ее отец был состоятельным виконтом с безупречной репутацией), ни в браке.

— Служанка леди Даксбери, принеся это послание, сказала мне, о чем ей говорила графиня. — Голос Беннетты прозвучал чуть громче шепота: у стен есть и уши, и глаза. — Возможно, это поможет вам продержаться до июня.

До июня... Да, июнь...

Это простое, короткое, двусложное слово стало для Элеоноры мантрой, напоминанием о предстоящей временной передышке. В июне ее муж должен был отправиться в Перу — бесценное предприятие для них обоих. Для Сесила Перу был источником богатства: именно там он начал сколачивать свое состояние на помете заморских птиц, применявшемся для удобрения и повышения плодородия английских почв. А Элеоноре отбытие мужа сулило некоторое послабление контроля над ее жизнью: ей хоть какое-то время не пришлось бы постоянно оглядываться, остерегаться и подстраиваться под настроение Сесила.

Эти несколько драгоценных недель позволили бы ей побывать с сыном там, где ей хотелось, без препон и порицания. Настоящий подарок судьбы — возможность, наконец, вздохнуть полной грудью в этой отравляющей ее тюрьме.

Беннета видела то, чего не видели другие — слезы, сбереженные Элеонорой для плача в одиночестве; синяки, скрытые облегающими рукавами. Она прекрасно понимала, что значил июнь для ее госпожи.

Нужно было только перетерпеть, вынести все тяготы ее замужней жизни до лета. А полученной в связи с отлучкой Сесила передышки ей хватило бы на то, чтобы пережить последующие месяцы или годы, вплоть до новой поездки.

Приглашение от графини легло на серебряный поднос для корреспонденции за завтраком. На Элеонору волной накатила энергия. Ей захотелось приотпнуть ногой под сто-